

УДК 130.2

Общие вопросы герменевтики М.М. Бахтина и М. Хайдеггера

А.В. Источникова

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье рассмотрены герменевтические позиции М.М. Бахтина и М. Хайдеггера, выделены их общее и особенное в интерпретации понятий: "коммуникативность", "диалог", определено отношение представленных мыслителей к романтизму. Показаны основные точки пересечения их взглядов.

Abstract. The author has considered hermeneutical conceptions of M.M. Bakhtin and M. Heidegger. The author has picked out the general and the difference in interpretation of concepts such as: "communicativeness", "dialogue". The attitude of these thinkers to "romanticism" has been determined and some points of intersection of their views have been analyzed.

1. Введение

Активное распространение высоких технологий в начале XXI в. обеспечило разнообразные возможности для социокультурной коммуникации и человеческого взаимодействия, что сообщило новые импульсы динамике развития современного мира. Развитие коммуникационной системы отношений снова ставит перед человеком задачу понимания своей собственной сущности, понимания самого себя в системе "Я" – "мир", "Я" – "Другой" в новой современности. Для рассмотрения данной проблемы полезно обратиться к теме экзистенции в герменевтике М.М. Бахтина и М. Хайдеггера, в которой она была своеобразно обоснована через призму неразрывной взаимосвязи человека и мира, где человек обретает свое собственное, незаменимое место.

2. Общее и особенное в герменевтике М.М. Бахтина и М. Хайдеггера

Безусловно, философии двух герменевтов имеют различия и даже противоположности. Они различны профессиональной направленностью философских изысканий: немецкий теоретик был философом в точном смысле, а русский мыслитель хотя и оставил небольшие работы философского толка, но был литературоведом по преимуществу. Также можно отметить, что Мартин Хайдеггер черпал свои основания из работ Платона, Августина и Паскаля, а Михаил Бахтин – из духа всей античной культуры и, в частности, из мифа, отражающего реальность через самого создателя мифа, и, тем самым, позволяющего рассмотреть события и действующих лиц через их поступки.

Однако следует отметить, что у совершенно различных на первый взгляд мыслителей было и много общего. Как М.М. Бахтин, так и М. Хайдеггер способствовали в своем творчестве превращению герменевтики в учение о бытии, таким образом, закрепляя ее философский статус. Также для них обоих базовым принципом формирования представления о роли и значении герменевтического направления для современного человека выступал собственный опыт пройденного пути к высотам личностного самораскрытия. Понятия "диалог" и "коммуникация" у М.М. Бахтина и у М. Хайдеггера как раз связаны с феноменом "понимания", выступающего в качестве активного волеизъявления – поступка, что и позволяет говорить о коммуникативном аспекте герменевтики данных мыслителей. Каждый из представленных мыслителей, говоря словами Бахтина, по-своему совершил поступок, реализовав свою "заданность" единственного места в бытии. В соответствии с вышесказанным представляется необходимым отметить ведущий для последующего рассмотрения коммуникативный план, в преломлении через который просматривается вся непреходящая значимость открытий М.М. Бахтина и М. Хайдеггера.

Обращение к структурным истокам герменевтики представленных мыслителей, а именно обращение к вопросам рассмотрения свободы и ответственности, долга и вины, самосознания личности и правды жизненного пути, отвечает потребностям интеллектуалов XXI века. Истоки указанного направления герменевтики, представленного именами М.М. Бахтина и М. Хайдеггера, находятся фактически не в отвлеченном контексте философских абстракций, а в рамках реально совершаемого восхождения к высотам духовного самораскрытия и самореализации. Бахтин и Хайдеггер относятся к тем, кто вышел к пониманию собственного пути, кто в едином ритме становления осмысливает все происходящее с ним, оказывается способным задаваться по-настоящему проблемными вопросами жизни и получать на них ответ, исходя из личностной установки обрести самобытное существование и философское творчество.

Определение статуса герменевтики оказалось сильно размытым из-за многочисленных попыток "улучшения" ее новыми, нетрадиционными подходами. Но они оказались несостоятельными, поскольку сами же подтверждают самодостаточность оснований, на которых герменевтическое исследование

строится. В рамках данного направления могут в полноценном виде существовать нетождественные подходы к решению аналогичных проблем, которые расширяют наши представления о возможностях герменевтики и путях реализации собственной бытийной программы.

3. Взаимосвязь герменевтики М.М. Бахтина и М. Хайдеггера с романтизмом

Проблемы осмысления места романтизма в истории культуры неизменно встают, когда пробуждение самобытных качеств человеческой личности становится насущной необходимостью для решения задач по спасению духовной культуры от наступающего варварства цивилизации.

Начало XX века в истории человечества характеризовалось мировыми войнами и кровопролитными революциями. Именно тогда вновь возрос интерес к романтизму. Романтическая тема личностного самоопределения и самоосуществления наивно противостояла "масштабным" задачам глобального переустройства мира и катастрофической неопределенности и незащищенности "самостного" основания человеческой личности. Также интерес был выражен в стремлении к гармоничным общественным связям, в попытке найти и дать адекватное осмысление новому характеру отношений между человеком и миром. Человек тяготеет к языку искусства как наиболее адекватной и плодотворной возможности созидания новой реальности, на обломках старой культуры, переходной эпохи. Человек становится "художником по преимуществу", пытаясь внести гармонию в хаос, создать новый мир, изнутри собственного Я. Жизнь в культуре, как мире "готовых слов", по мнению романтиков, препятствует постижению бытия как такового, лишает человека непосредственной связи с миром.

Сегодня вновь, как и в начале XX столетия, романтизм притягивает к себе внимание исследователей культуры своей верой и надеждой на преодоление гнетущих противоречий жизни благодаря возвращению "культурной памяти", надеждой на обретение себя в едином смысловом пространстве взаимодействия с духовным наследием минувших эпох.

Мир и человек у М. Хайдеггера образуют единство (*das Eins*), особую коммуникацию. Он полагает, что слово "человек" – "пустое", поэтому оно заменяется другим, более соответствующим "фундаментальной онтологии" словом *Dasein*, означающим существование, наличное бытие. "Здесь-бытие" имеет философский смысл огромной важности для него, так как герменевтический анализ коммуникации используется немецким философом для раскрытия и обнаружения смысла человеческого бытия. Если человек с его самосознанием, которое проявляется в языке, сам представляет собой бытие (даже более того – существование мира), бытие мира обусловлено "здесь-бытием", то он обладает и изначальным пониманием бытия. Как известно, под герменевтическим кругом Хайдеггера понимают следующее: чтобы понять целое, необходимо сначала понять части целого, но понимание частей не может состояться, если человек не представляет себе общую идею понимаемого. Но человеку нет необходимости со стороны пытаться проникнуть в смысл феноменов. Человек как "фрагмент" живого бытия сам имеет представление о бытии, сам выявляет смысл его. Таким образом, М. Хайдеггер подходит к разрешению герменевтического круга и, одновременно, к выводу о том, что самораскрытие, непосредственное обнаружение своей сути есть форма существования живого, сознающего себя, а понимание выступает не в качестве одной из черт человеческого познания, а в качестве определяющей характеристики самого существования, как способ бытия.

У М.М. Бахтина есть "два полюса текста", находящихся в единстве. Речь идет о том, что, во-первых, за каждым текстом стоит система языка, во-вторых, каждый текст является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Прочтение, перечитывание, цитирование, чтение чтением или исполнение на сцене "есть новое, неповторимое событие в жизни текста, новое звено в исторической цепи речевого общения", то есть речевая коммуникация, причем это событие, "то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов" (*Бахтин, 1975*). Если мы хотим именно понять, а не объяснить, то должен произойти диалог двух субъектов, двух сознаний, некая диалоговая коммуникация. Объектно-субъектные отношения – область объяснения. Бахтин неоднократно подчеркивает недостаточность сугубо лингвистического подхода к тексту.

Активно-диалогическое понимание (спор – согласие), включение в "диалогический контекст" для М.М. Бахтина особенно важно. Осмысление – это всегда плод взаимодействия: определение смысла во всей глубине и сложности его сущности, открытие наличного путем узрения (созерцания) и прибавления путем творческого созерцания. Если абстрагироваться, то можно сказать, что существуют как бы три взаимодействующие части в процессе понимания: то, что подвергается пониманию (но не является пассивным – воздействует на реципиента), сам реципиент, который является субъектом процесса понимания (вопрос о том, хочет или нет он услышать обращенное к нему) и еще нечто третье, куда входит все прочитанное, услышанное, увиденное, совершенное человеком-реципиентом раньше. Сюда входит и знание исторических событий, и личный опыт повседневной жизни, и прочитанные ранее другие произведения данного автора, – словом, все то, что было уже понято перед событием встречи с

новым (но также и не понятное). Когда эти три части взаимодействуют, определяется конечное понимание смысла, происходит коммуникативное понимание.

Время, когда создавались философские программы Бахтина и Хайдеггера, ознаменовалось глубоким кризисом, который затрагивал индивидуальное, незащищенное от массового безумия существование, бытие человеческой личности. В этом плане ситуация начала и первой трети двадцатого столетия оказалась сопоставима с той, которая "создала" романтиков. Неумеренная восторженность, экзальтированное участие в "общем деле" вскоре сменились разочарованием в способности коллективного мышления разрешить мучительные противоречия жизни и безразличием к вопросам социального устройства. Эволюция романтизма в направлении от решения эстетических задач, просвещения красотой при посредстве идеи прекрасного и совершенного к постановке религиозно-нравственной проблемы обретения подлинного начала личности в Боге означала не только отказ от публичности освещения собственных взглядов романтиков на общезначимость романтического идеала, но и подводила к пониманию того, что общепринятых норм соответствия природному образцу этической личности, живущей духовными интересами, недостаточно для установления гармонии восприятия окружающего мира с его трагической неосуществленностью, несовершенством, несправедливостью и безразличием к индивидуальной человеческой судьбе.

Отличие романтизма от других вариаций в объяснении истории заключалось в возможности преодоления ужаса бессмысленного разложения мира на составляющие его элементы. Связь или возможность таковой с верховным, не проявляющимся для обыденного восприятия, божественным началом давала средство для успокоения.

Направление философской герменевтики, представленное именами М.М. Бахтина и М. Хайдеггера может рассматриваться как программа отыскания основания для того единственного события, через которое человеку, созидаящему собственный мир, открывается смысл собственного бытия или бытия самобытными возможностями, и через это и все бытие в целом. Что же касается иных ориентаций герменевтического осмысления, таких, как интерпретация художественных, философских текстов и иных культурных фактов нашей жизни в реальной исторической перспективе их использования, то М. Хайдеггер, например, считает, что первичным для всякого рода истолкований является модус бытия, в котором интерпретатор обнаруживает возможность быть вообще понимающим, истолковывающим, возможность самобытно себя реализовать, открываясь навстречу смыслу, проступающему со страниц текста и в аспекте воспринятого им события культурной жизни.

На базе исторического осмысления события как постижения истины М.М. Бахтиным, создается подход, освещающий важнейшие темы экзистенциального воссоединения с онтологическими корнями взаимосвязи человека и мира, человека и космоса, в котором человек обретает собственное свое, незаместимое и невозместимое место. К числу таких тем относятся: тема свободы и выбора, вины и ответственности через призму постоянства выбора судьбы, наконец, "тьма времени", как выражение экзистенциальности в проекции на бытийное основание целостной человеческой личности.

Можно заметить, что М.М. Бахтин и М. Хайдеггер ставят акценты на различных этапных моментах в обретении человеком подлинного начала бытия личности. Их обращение к традиции романтизма также выявляет и различные стороны их пристального интереса к опыту предшествующего осмысления проблемы обретения человеком самобытного строя личности. М.М. Бахтин использует терминологию романтиков, пропущенную через зрительный срез кьеркегоровой "диалектики веры", выступая своеобразным защитником исследовательской практики датского мыслителя. Фундаментальный аспект "бытия-события" находит свое радикальное осмысление в отклике на "диалектический прорыв в акте веры" в контексте философии последнего.

М. Хайдеггер в "Бытии и времени" также не остается безучастным к экзистенциальному пафосу С. Кьеркегора. Понятия страха и тревоги, вины и смерти прямо отсылают к узловым моментам его миропонимания, к наследию романтиков, где историческое понимание истины оказывается на определенном этапе их духовной эволюции неким духовным центром и стержневой идеей, соотносящей творческие амбиции с повседневным жизненным опытом. Кроме того, сам М. Хайдеггер своим последующим обращением к романтической поэзии, например, к творчеству Гёльдерлина, к античной философии Платона и Аристотеля, как выражению глубинной интенции человека интерпретировать себя в терминах космических первостихий, которым он подчинен в силу своей метафизической природы, дает основания полагать, что истоки более ранней интерпретации человека в терминах бытийной первоструктуры понимания, соответствующей периоду создания "Бытия и времени", являют все ту же направленность на романтический, в основе своей, дискурс о человеке, обретающем основание подлинности и незаменимости в аспекте собственной судьбы (Хайдеггер, 2002).

Установка на "самопонимание", "самоистолкование" и "самовысказывание", которое объединяет не только замыслы герменевтического анализа бытийной первоструктуры понимания "самости" ("Я" у М.М. Бахтина), прокладывает еще один мостик к историческому романтизму, к проблеме

самореализации, к раскрытию в полной мере духовных, нравственных и иных потенциалов человека. Таким образом, романтики, так и не сумевшие сформировать исследовательский план сродни герменевтическому анализу были весьма близки к постановке проблемы понимания, или самопонимания, ибо "событие-откровение" должно было проецироваться ими на собственный опыт узнавания истины – истины в себе самом, и тем самым делать их ответственными за понимание не просто какой-то отдельной истины, но истины всего бытия. В неудаче романтизма, в неспособности романтизма завершить собственный проект, обеспечить фундамент для целого комплекса идей, им разрабатываемых, заключается непреходящее значение этого течения мысли для последующих обращений к теме основания самореализации личности и, в частности, для философской герменевтики – для той ее вариации, которая представлена именами М.М. Бахтина и М. Хайдеггера.

Замечательно, что романтики первыми осознают необходимость освободить бытие от оков, которыми его сковало извращенное химерами просветительской идеологии, опьяненное легкостью, с какой наука, вооружившись техническими приспособлениями, дает ответы на всевозможные вопросы, сознание европейского человека. В основу технического и научного прогресса положен поэтический нигилизм. На смену поэтическому бытию приходит "научная картина мира".

М. Хайдеггер, анализируя поэтический текст одного из гимнов Гёльдерлина, приходит к неутешительному выводу: "то, что грезились поэту-романтику в отношении человека (надо понимать: современника), поэтически шествующего по жизни, не воплотилось, не исполнилось в действительности, стало сплошным обманом" (Хайдеггер, 1991). Т.е. поэтически давно не живет человек на земле – вот ответ романтикам начала XIX века из середины XX века. Этот ответ возник как связь-общение, межвременная коммуникация между герменевтикой М.М. Бахтина, М. Хайдеггера и романтиками прошлого.

По мнению М. Хайдеггера, поэтическое слово, влекомое первоначальным смыслом того, что дает названия вещам (именует их), фактически противостоит инструментальному языку машин и компьютеров, функции утаивания онтологической истины. Двигаясь в направлении от интуитивно постигаемой поэтической образности к воссозданию структурного единства, в котором строй виденья художника онтологизируется, превращаясь во всеобщезначимый элемент сознания и самосознания, М. Хайдеггер в крупной работе "Исток художественного творения" и целом ряде статей о поэзии и поэтах вычленяет, на уровне архаического мета-сознания, глубинную связь. Связь эта, знаменующая собой возможность слышать голос природы (животворящей "фюсис", а не мертвой "натуры"), пребывает в поэтическом сознании и осмысливается в своей поэтической первоизданности.

Известными тропами М. Хайдеггер устремляется в неизведанную онтологическую даль, уповая на то, что язык должен сам заговорить, разрывая пути сковавшего бытие косноязычия, разрушая представление о коммуникативной однозначности языка (обывательская установка: "язык – средство общения"). Почти так же у М.М. Бахтина герменевтика, обретшая свое новое основание в языке, получает стимул для развития.

Вопрос о том, как иллюзия, в качестве неподлинного виденья, определяет онтологический подход к проблеме понимания, и составляет, узловый момент перехода от романтизма к герменевтике, в единой для них оптике, отождествляющей духовное прозрение с процессом освобождения от неподлинного существования, с раскрытием и опознанием качеств, создающих самобытную человеческую личность.

4. Заключение

Герменевтические учения М. Хайдеггера и М.М. Бахтина во главу угла ставят проблему коммуникации, позволяющую человеку занять свое исключительное место в космосе общения. При этом "место" присутствует в общем бытии и подчеркивает "незаменимость" и "невозместимость" значимости человека в совокупном бытии. Исключительная роль понимания определяется тем, что в его процессе человека озаряет ощущение именно "своего" места в мире, которое М. Хайдеггер назвал *Dasein*.

Оба мыслителя показали, что герменевтика позволяет в едином ритме со всеобщим бытием, с его становлением и вечным процессом осмысливать все происходящее с человеком лично. Вооруженный философией понимания, человек оказывается способным задаваться по-настоящему проблемными вопросами жизни и получать на них ответ, исходя из личностной установки, обрести самобытное существование и философское творчество.

Литература

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М., Худож. лит., с.28, 1975.

Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., Наука, с.450, 2002.

Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии. *Логос. Философско-литературный журнал*, вып. 1, с.38, 1991.